

Игорь Мирный

DM MG

ИСТОРИЯ

ОЗВУЧЕННОЙ

ТИШИНЫ

Игорь Мирный

**DM MG история
озвученной тишины**

«Автор»

2026

Мирный И. В.

DM MG история озвученной тишины / И. В. Мирный —
«Автор», 2026

Этот роман написан под влиянием инструментального альбома «MG», 2015 г. Все названия треков, звуковые характеристики и концепции (атмосфера «саундтрека к воображаемому фильму», эмбиентная природа, использование модульных синтезаторов, сравнения с Анджело Бадаламенти, Вангелисом и Tangerine Dream) основаны на материале альбома. Цитаты окружены той же тишиной, что и музыка. Пожалуйста, включите альбом во время чтения. Этот роман не имеет финала, потому что «MG» — это альбом, который учит слушать тишину. А тишина никогда не заканчивается. Она просто меняет форму. Сегодня она звучит как музыкальный синтезатор. Завтра — как шум океана. Послезавтра — как сердцебиение человека, который наконец перестал бояться. Прислушайтесь. Возможно, вы услышите её прямо сейчас. Она тихая. Но она здесь. Она всегда была здесь.

© Мирный И. В., 2026

© Автор, 2026

Игорь Мирный

DM MG история озвученной тишины

DM MG история озвученной тишины

Роман о звучащей тишине

Посвящается великой музыкальной группе Depeche Mode

(по мотивам инструментального альбома Мартина Гора: MG)

Этот роман написан под влиянием инструментального альбома «MG», 2015 г. Все названия треков, звуковые характеристики и концепции (атмосфера «саундтрека к воображаемому фильму», эмбиентная природа, использование модульных синтезаторов, сравнения с Анджело Бадаламенти, Вангелисом и Tangerine Dream) основаны на материале альбома. Цитаты окружены той же тишиной, что и музыка. Пожалуйста, включите его во время чтения.

Глава 1.

Было три вещи, которые Мартин знал наверняка.

Первая: модульный синтезатор в его студии дышал. Не метафорически — в темноте, когда все огни погашены и остаются только крошечные красные и зеленые лампочки на патч-панелях, а реально, аппаратура издавала низкий, едва уловимый гул. Он менялся в зависимости от времени суток, от влажности, от того, пил ли Мартин кофе или виски. Шестнадцать лет он уговаривал себя, что это просто помехи, просто особенность старой проводки. Сегодня вечером он сдался. Машина дышала, потому что в ней было что-то живое.

Вторая: слова врал. Всегда. Даже когда он старался быть максимально честным, даже когда записывал строчки в маленький черный блокнот, купленный в Берлине еще в восьмидесятых, — стоило мыслям обрести форму, они превращались во что-то другое. Религиозные метафоры становились слишком театральными. Истории о контроле и одержимости скатывались в банальность. «Слова — это предатели», — сказал он однажды в интервью, и журналист подумал, что он риторичен. Мартин не стал поправлять.

Третья: он больше никогда не покинет этот дом. Не в том смысле, что Santa Barbara стала тюрьмой. Просто в какой-то момент, незаметно для себя, он перестал видеть смысл в географии. Берлин восьмидесятых — с его стенами и подпольными клубами — остался в прошлом. Лондон, Нью-Йорк, Гамбург — везде одинаковые гостиничные номера и одинаковый белый шум за окнами. Его настоящая жизнь проходила здесь, в комнате без окон, где время измерялось не часами, а количеством патч-кабелей, включенных в гнезда.

Сегодня, на сорок пятый день одиночества, он решил, что напишет роман без единого слова.

Модульная система занимала целую стену. Мартин называл её «Органом» — не потому, что она напоминала церковный инструмент, а потому что каждая новая конфигурация требовала ритуала. Никто, даже Винс, не понимал, как именно он строил эти схемы. Сам Мартин объяснял это так: «Представь, что у тебя есть тысяча дверей, и ты должен открыть их все одновременно. Это невозможно. Но если ты просто поставишь руку на косяк, некоторые откроются сами».

Сегодня он собирал «Pinking».

Начало пришло во сне — прозрачная, механическая мелодия, похожая на звук старинной шкатулки, которую кто-то завел в последний раз перед тем, как разобрать механизм на части. Он проснулся с этим звуком в голове. Часы показывали 3:47 утра.

Восемь минут спустя он уже сидел за пультом, пальцы дрожали, когда он протягивал первый кабель от генератора огибающей к фильтру низких частот. В такие моменты он не думал. Он просто подключал, настраивал, слушал, пока где-то на задворках сознания тлела мысль: «Это не музыка. Это я пытаюсь вспомнить, как дышать до того, как научился говорить».

К шести утра «Pinking» был готов. Две минуты тридцать семь секунд чистого, прозрачного звука, поверх которого плыли хоральные партии — нет, не партии, даже не семплы, а что-то неуловимое, записанное с микрофоном, подключенным напрямую к антенне, когда за окном бушевала гроза. Он назвал трек в честь старомодного портновского термина — «выщипывание», обрезание лишних нитей.

Когда он закончил, в студии стало светлее. Или темнее. Он так и не научился различать.

Глава 2.

Через три дня пришло письмо от Дейва.

В «Delta Machine» они оставили пять инструментальных набросков. Дейв хотел добавить к ним слова. «Этот трек, "Elk", — писал он, — напоминает мне о нашем путешествии в Гамбург в 89-м. Помнишь тот клуб? Там можно было курить внутри, и все стены были в зеркалах». Мартин помнил. Он помнил всё, что Дейв забыл намеренно.

«Elk» — лось. Мартин выбрал название, когда ему было девять лет, отец впервые взял его на охоту. Они не убили ни одного зверя, но весь день шли по следу через лес, где деревья были такими старыми, что их кроны смыкались в непроницаемый шатёр. Влажный мох приглушал шаги. Отец молчал. Мартин тоже молчал, потому что любое слово могло спугнуть то, что пряталось в глубине.

В его наброске не было ничего от той прогулки — только медленная, пульсирующая последовательность аккордов, которая напоминала кружение камеры в «Твин Пикс» Анджело Бадаламенти. Но когда он закрывал глаза, то снова чувствовал запах мха.

Он ответил Дейву одним словом: «Нет».

Инструментал не нуждался в словах, потому что слова убили бы его.

Глава 3.

Апрель в Санта-Барбаре — сезон пожаров. Воздух пах горелым эвкалиптом за тридцать миль до того, как огонь добирался до жилых кварталов. Мартин сидел в студии с закрытыми окнами, кондиционер гудел на максимальной мощности, и этот гул становился частью трека «Hum».

«Hum» родился случайно, как и всё лучшее в его жизни. Он просто забыл выключить один из осцилляторов, и тот проработал всю ночь, создавая ровную, монотонную волну. Утром Мартин обнаружил, что катушка ревербератора перегрелась, и сигнал начал искажаться — в звуке появились гармоники, которых не было в проекте. Восемь часов дрейфующей, живой, пульсирующей ноты.

«Это напоминает мне о конце», — написал кто-то в комментариях, когда трек случайно попал в сеть за месяц до релиза. Мартин не злился на утечку. Ему было странно, что незнакомый человек в Милуоки понял то, чего не могли понять люди, знавшие его двадцать лет.

«Hum» был не о смерти. Он был о моменте после. О том, как выглядит комната, когда из неё вынесли всю мебель. О том, как звучит голос, когда не осталось никого, кто мог бы его услышать.

Он добавил название в список. Шестнадцатый трек.

Глава 4.

В середине записи Мартин сломал паттерн.

Он всегда работал по правилам: писал музыку утром, делал перерыв на обед (сэндвич и чёрный кофе, никогда — ничего сладкого), потом возвращался к миксу до тех пор, пока не начинало рябить в глазах. Восемь часов. Пять дней в неделю. График, который не нарушался годами.

Но однажды, в три часа ночи, он поймал себя на том, что сидит перед «Органом» и слушает тишину.

Не ту тишину, которая возникает, когда выключен усилитель. А ту, которая остаётся, когда все возможные звуки уже извлечены, обработаны, сведены и записаны в цифру. Тишина после шестнадцати треков, каждый из которых был попыткой сказать что-то, что не поддавалось языку.

Ему показалось, что он слышит в ней эхо «Спирали» — механического, пульсирующего ритма, который он построил вокруг одного-единственного басового удара. Или отголосок «Brink» — индустриального грохота, самого близкого к техно, на что он осмелился.

«Ты не создаёшь музыку, — сказал он однажды Винсу во время работы над VCMG, когда они спорили о продакшене. — Ты просто подключаешь кабели в правильном порядке, и вселенная начинает гудеть в ответ».

Винс рассмеялся. Мартин не шутил.

Глава 5.

Он назвал альбом «MG» .

Не «Martin Gore». Не «Counterfeit 3». Просто инициалы. Как будто человек, создавший эту музыку, и человек, подписывающий контракты и дающий интервью, — две разные сущности. В пресс-релизе он написал: «Это очень электронный альбом, в нём нет вокала, и мне показалось, что он заслуживает другого образа» .

Правда была проще. Слова «Мартин Гор» потеряли смысл где-то после третьего мирового тура, когда он проснулся в Осаке и не понял, какой сегодня месяц. «MG» было именем человека, который сидит в студии в три часа ночи и слушает, как дышит синтезатор. «Martin Gore» — это бренд, продукт, история успеха, вырезанная из журнальных полос .

Ирония заключалась в том, что альбом, посвящённый тишине и одиночеству, стал самым честным, что он когда-либо делал.

Глава 6.

Перед мастерингом он позвонил звукорежиссёру, с которым работал над VCMG.

— Я хочу, чтобы это звучало как фильм, — сказал Мартин. — Но не тот фильм, который можно посмотреть. Тот, который ты помнишь из детства, но не можешь найти в базе данных.

— Ты про сны? — звукорежиссёр.

— Нет. Про то, что остаётся, когда сны заканчиваются.

Он положил трубку и посмотрел на список треков. Шестнадцать названий. «Pinking». «Swanning». «Exalt». «Elk». «Brink». «Europa Hymn». «Creeper». «Spiral». «Stealth». «Hum». «Islet». «Crowly». «Trysting». «Southerly». «Featherlight». «Blade».

Каждое слово было ключом к двери, которая вела в комнату без выхода. Каждый трек — эпизодом романа, в котором нет героя, потому что герой — это тот, кто слушает. Пустое место, которое нужно заполнить .

«Психологический роман, — подумал он. — Нет. Анти-роман. Роман без персонажей, где единственное действие — это попытка услышать себя в тишине».

Он сделал глоток виски и нажал «play».

Тишина задыхалась громче.

Глава 7.

Спустя несколько месяцев после релиза Мартин получил письмо от фаната. «Ваш альбом помог мне заснуть, — писал тот. — Впервые за три года я спал шесть часов без кошмаров».

Мартин перечитал письмо три раза. Потом выключил компьютер, зашёл в студию и сел перед выключенным «Органом». Лампочки не горели. Потенциометры стояли на нуле.

Но где-то внутри, на уровне вибрации, он всё ещё слышал низкий, едва уловимый гул.

«Хорошо, — подумал он. — Ты ещё жив».

Он не стал записывать эту мысль. Некоторые вещи не нуждаются в словах.

Тишина, говорит.

Глава 8.

Через две недели после мастеринга Мартин вернулся в студию не для того, чтобы писать музыку. Он пришёл разобрать «Орган».

Это не было импульсивным решением. Просто однажды утром, стоя под душем с температурой воды, которую его тело не фиксировало уже лет пятнадцать, он понял: шестнадцать треков закончены, но они продолжают звучать в нём — не как мелодии, а как невроз. Каждая патч-схема отпечаталась где-то в глубине черепа. «Spiral» проигрывалась синхронно с пульсом. «Hum» становилась громче в моменты тревоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.